

Лаванда
и старинные
кружева

Миртл Рид

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р49

Myrtle Reed
LAVENDER AND OLD LACE

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Екатерины Каштановой*

Литературный редактор *Марина Стрелетова*

Оформление серии *Яны Паламарчук*

Художественное оформление переплета *Натальи Кашицькиной*

Рид, Миртл.

Р49 Лаванда и старинные кружева / Миртл Рид ; [перевод с английского Е. Каштановой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 224 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-229852-3

Мисс Рут Торн, репортер городской газеты «Геральд», на полгода переезжает в сельскую местность, чтобы присмотреть за домом тети Джейн Хэтэуэй, которая уезжает в Европу. Единственное, о чём тетья попросила Рут в записке, не объясняя причину, — зажигать лампу в восточном окне чердака каждый вечер. Свет от лампы уже пять лет беспрерывно горит, и этот ритуал должны поддерживать и сейчас.

Рут начинает погружаться в жизнь тихой сельской местности, знакомится с загадочной мисс Эйнсли и с молодым человеком Карлом Уиндилдом. Карл тоже когда-то был репортером в редакции газеты «Геральд», где работает Рут, но из-за проблем со зрением он временно не может работать, и по рекомендации окулиста должен отдохнуть полгода, а главный редактор газеты посоветовал ему поехать вслед за Рут.

Между Рут и Карлом постепенно зарождаются чувства, и вскоре они планируют совместное будущее. Однако возвращение тети с новым мужем меняет привычный ход событий, и Рут на время переезжает к мисс Эйнсли. Так проходит еще пара месяцев безмятежной жизни. Карл и Рут планируют скорую свадьбу. Но однажды мисс Эйнсли встает с постели совсем в другом настроении, чем обычно, и рассказывает Рут свою тайну, и зачем была нужна лампа в доме тети Джейн.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229852-3

I

СВЕТ В ОКНЕ

Ветхая коляска неспешно ползла вверх по склону холма. Единственная пассажирка, занимавшая почетное место на заднем сиденье, с интересом обводила взглядом окрестности. Кучер этой древней повозки — нескладный юноша лет двадцати пяти, с острыми коленками, крупными покрасневшими ладонями, резко выступающими скулами и густой шевелюрой рыжевато-оттенка — несмотря на внешность, создавал вполне приятное впечатление. Он явно отличался честностью и относился ко всем с заметным дружелюбием.

— Вам удобно, мисс? — заботливо поинтересовался он.

— Очень удобно. Благодарю, — последовал тихий ответ.

Заставив почтенных скакунов перейти на аллюр, скорость которого не превышала пары миль в час, кучер развернулся боком:

- Надолго в наши края, мисс?
- Думаю, на все лето.
- Серьезно?

Молодая женщина отрешенно улыбнулась, но Джо, ободренный, воспринял это как приглашение продолжить разговор, мысленно убеждая себя, что городские вдали от дома становятся жутко застенчивыми. Снова цыкнув на беспечных лошадей, он передвинул во рту табак, подыскивая новую тему, и вдруг его озарило.

— Вы же племянница мисс Хэтэуэй, верно? Приехали пожить в ее доме, пока она ищет себе кавалеров в чужих краях?

— Да, я ее племянница. Никогда здесь прежде не бывала. Где она живет?

— Тут, поблизости.

Взмахнув выдавшей виды удочкой, служившей ему хлыстом, кучер указал на маленький белый дом на вершине холма. Пассажирка, выпрямившись на сиденье, больше не стала задавать вопросов, и, поразмыслив, он пришел к выводу, что зря позволил себе такое замечание в адрес мисс Хэтэуэй.

Заскрипели изношенные колеса, но, к счастью, катастрофы, которую подспудно ожидала мисс Торн, удалось избежать. Обладая богатым воображением, она уже представила себе момент крушения; словно на фотографии, мысленно увидела, как внезапно устремилась к земле в сопровожде-

нии собственного чемодана, новая шляпка слетела с головы, а сшитый на заказ наряд, предмет ее гордости, безнадежно испачкался о гравий. Наверное, в результате падения она неизбежно вывихнула бы лодыжку, но не ощутила боли ввиду благодатной неспособности воображения воплотить в жизнь реальную травму.

Вдруг одна из лошадей испуганно фыркнула. Коляска резко остановилась. Мгновенно приготовившись к худшему, Рут схватила чемодан и зонтик.

— Не пугайтесь, мисс, — мягко успокоил ее Джо, — это всего лишь кролик. Мамуля никак к ним не привыкнет. — Он указал на одну из лошадей — высокую тощую кобылу с торчащими ребрами и суставами, чья грубая белая шерсть от непогоды окрасилась в серый цвет. — Тише, Мамуля. Все нормально.

Мамуля пытливо огляделась по сторонам, подняв вверх одно ухо и склонив в сторону другое. Один ее глаз частично скрывала катаракта, но в другом таился мир знаний и пороков, смягченный присущей даме сдержанностью.

— Поехали, Мамуля!

Рут рассмеялась. Лошадь тем временем двинулась дальше, семена вперед по-девичьи скромными шажками.

— А вторую как зовут? — любопытствовала мисс Торн.

— Это жеребец, Альфред. Сын Мамули.

Мисс Торн попыталась скрыть удивление, и Джо с радостью отметил, что она несколько оттаяла.

— Я время от времени меняю им клички для разнообразия, — пояснил он, — но уже успел перебрать все известные мне имена.

Дорога лениво вилась вверх. Слева росли деревья, лишь одно или два из которых отбрасывали тени на сам холм. Когда они почти достигли вершины, навстречу им вышла девушка в синем клетчатом платье и аккуратном белом переднике.

— Входите, мисс Торн, — пригласила она. — Я все вам объясню.

Мысленно поклявшись, что больше не станет пользоваться услугами Джо, Рут вылезла из коляски и, дав несколько указаний насчет чемодана, вслед за девушкой вошла внутрь.

Этот потрепанный бурями дом из-за почтенного возраста, несомненно, заслуживал уважения. Крепкий, но внешне довольно скромный, он отчаянно нуждался в покраске. Выцветшие зеленые ставни гармонично сочетались с серовато-белыми стенами, а на крыше веранды, являвшейся, судя по всему, неудачной задумкой архитектора, виднелись две или три новые черепицы.

— Видите ли, мисс Торн, — бойко начала горничная, — мисс Хэтэуэй уехала раньше, чем собиралась, потому что группа попугачиков, к которой она примкнула, решила сесть на более ранний пароход... ну, на тот, который отплыл раньше другого. Собиралась в такой спешке, что просто не успела бы послать вам восточку и получить ответ. Но мисс Хэтэуэй не сомневалась, что вы приедете, поэтому оставила для вас письмо.

Сняв шляпку и жакет, мисс Торн удобно устроилась в кресле-качалке. Вскоре вернулась горничная с письмом. Запечатывая его, мисс Хэтэуэй не поскупилась на красный сургуч — вероятно, в достойной одобрения попытке спасти от искушения краснощекую, пышущую здоровьем фермерскую дочь, которая стояла сейчас неподалеку, оперев руки в бока.

На конверте значилось: «Мисс Рут Торн».

*Милая племянница,
я пишу эти строки в спешке, поскольку мы уезжаем на неделю раньше, чем ожидалось. Думаю, ты найдешь дом в полном порядке. Вряд ли ты, приехав из города, знаешь, как вести домашнее хозяйство, поэтому всем займется Хенси. Она добродушная девушка, хотя со своими убеждениями. Придется тебе под нее подстроиться, но, если не сможешь, скажи ей прямо, и Хенси сделает все как велишь.*

Деньги на текущие расходы я оставила в маленькой шкатулке на верхней полке шкафа в гостиной второго этажа, под стопкой одеял и покрывал; их хватит до моего возвращения. Ключ от шкатулки висит на гвозде, вбитом в заднюю стенку старого комода на чердаке. Хенси, конечно, честная и надежная, однако не стоит лишний раз вводить людей в искушение.

Как только доберусь, пришлю тебе свой адрес, и ты расскажешь, как обстоят дела в доме. Если захочешь чаю, котовник свисает со стропил на

чердаке, а сассафрас лежит в маленьком ящичке комода, за которым спрятан ключ. Если тебе понадобится что-то еще, Хепси наверняка знает, где это найти.

Надеюсь, письмо застанет тебя в добром здравии.

Твоя любящая тетья

Джейн Хэтэуэй

Р. С. Каждый вечер зажигаю лампу в восточном окне чердака. Будь осторожна, постарайся ничего не спалить.

Горничная ждала рядом, трепеща от страха, поскольку понятия не имела, какие указания могла оставить ее эксцентричная хозяйка.

— Не волнуйся, Хепси, — любезно проговорила мисс Торн. — Думаю, мы с тобой прекрасно поладим. Мисс Хэтэуэй сообщила, какую комнату мне занять?

— Нет, мэм. Она сказала, чтобы вы чувствовали себя как дома. Можете спать где захотите.

— Очень хорошо. Тогда я поднимусь и выберу сама. В шесть часов принеси мне чай.

К большому огорчению Хепси, любящей совать нос во все дела, письмо мисс Торн до сих пор держала в руке. Любопытная горничная рассчитывала хоть украдкой на него взглянуть и сейчас была удивлена и разочарована. Вот мисс Хэтэуэй не привыкла хранить свои письма.

Пока Рут поднималась по узкой лестнице, тишина старого дома бальзамом пролилась на ее устав-

шую душу. Здесь царила необычайная чистота, приятно пахло травами, а в атмосфере ощущалась утонченная пуританская сдержанность.

Ведь наши дома, несмотря на все их безмолвие, умеют по-своему производить впечатление. Можно войти в дом, пустовавший долгое время, и инстинктивно понять, что за люди последними находили в нем приют. Молчаливые стены передают послание каждому посетителю, и звуки шагов, эхом отдающиеся в пустых безрадостных комнатах, способны сообщить, где прежде обитали беды и печаль, а где до рассвета не смолкал легкий, беззаботный смех богемы. Кто из нас не слышал по ночам призрачных шагов на лестнице, тихих хлопков закрывшихся невидимых дверей, стука в окно или даже вздохов или чьих-то рыданий? Возможно, робкие люди содрогнутся от страха, но более мудрые лишь улыбнутся с мечтательной нежностью — ведь старый дом просто видит сны.

Бродя по небольшим, безукоризненно убранным комнатам на втором этаже, Рут испытала неведомые прежде чувства покоя и безопасности. В западной части нашлись две спальни одинакового размера, и она выбрала ту, что слева, с двумя окнами на юг. Кроме маленькой каморки в конце коридора, вероятно принадлежавшей Хепси, там имелась еще одна комната — гостиная.

Один из шкафов в ней оказался пустым, но на полке другого лежала большая стопка постельных принадлежностей. Подтащив ближе стул, Рут порылась под одеялами и обнаружила маленькую дере-

вянную шкатулку, в которой, когда она придвинула ее к себе, что-то тихо звякнуло.

Зажав находку под мышкой, Рут поднялась по узкой винтовой лестнице на чердак, где в углу, под скосом крыши, стоял старый комод из красного дерева. Ролики с ножек исчезли, и ей с трудом удалось сдвинуть предмет мебели с места, но в косых лучах послеполуденного солнца Рут заметила ключ, который, как и написала тетя, висел на гвозде, вбитом в заднюю стенку.

С первого взгляда стало ясно, что подойдет он без труда. Рут бездумно провернула ключ в замке. Изнутри тут же выпал клочок бумаги. Подняв его, Рут прочла написанные небрежным, но вполне разборчивым тетиным почерком слова: *«Хенси получает полтора доллара в неделю. Не больше».*

Поскольку дом стоял в некотором отдалении от побережья, лишь из восточного окна чердака открывался вид на море. Возле самого подоконника примостился маленький столик с отпиленными ножками, на нем простая лампа без всяких украшений, вмещавшая в себя примерно пинту¹ масла.

Рут вдумчиво перечитала письмо еще раз и, рассудив, что присущая горожанам осторожность не помешает и в сельской местности, разорвала листок на мелкие кусочки. Значит, пока она живет здесь, ей придется каждый вечер собственноручно зажигать эту лампу. Но зачем? Шершавое стекло уже оставило множество круглых отметин на столе,

¹ В одной американской пинте 0,4733 литра. (*Здесь и далее прим. перев.*)

некогда покрытом блестящим лаком. Неужели Рут столкнулась лицом к лицу с тайной?

Обращенный к морю склон холма представлял собой каменистый обрыв; между его краем и огородом, разбитым позади дома, торчало несколько пней, практически заросших мхом. Из окна открывался вид на лес, начинавшийся с севера от подножия холма и тянувшийся, похоже, до самого моря. На юге возле обрыва росло несколько деревьев, но все остальные подверглись вырубке.

Еще южнее, там, где заканчивался холм, простиралась поросшая травой равнина, по которой медленно текла блестящая река, несущая свои воды к морю. Берега ее облюбовали серебристо-зеленые ивы, за голые нижние ветви которых уже цеплялись багряные сумерки.

Рут открыла окно и полной грудью вдохнула воздух. За годы, проведенные в городе, чувства несколько притупились, но, как по волшебству, вместе с первыми запахами моря и весны она словно бы вернулась в оставшееся позади, хотя и не забытое детство.

И лишь сейчас осознала, насколько благодарна за возможность провести немного времени вдали от рабочего стола и пишущей машинки. Главный редактор обещал сохранить за Рут ту же должность, когда бы она ни решила вернуться; на ее сберегательном счете лежало немного денег, и вследствие доброты эксцентричной тети, с которой она прежде никогда не встречалась, тратить их не придется.

Рут обвела взглядом просторную комнату. Типичный чердак с прялкой и ненужной мебелью из красного дерева в колониальном стиле, ставшей бы предметом зависти многих городских матрон, которая, судя по всему, не слишком заботила свою владелицу. Здесь громоздились комоды, два или три потертых чемодана, кедровый сундук и бесчисленное множество коробок разного размера. Со стропил свисали пучки душистых трав. И ни следа паутины, поскольку мисс Хэтэуэй отлично следила за домом.

А жаль. Про себя Рут решила, что, если эти крошечные прядильщики воспользуются отсутствием тети Джейн, сама она не станет им мешать.

Отыскав старое кресло-качалку, немного шаткое, но еще пригодное для использования, Рут подтащила его к окну, села и принялась смотреть на море. С берега долетал рокот неспешно набегающих волн, смешанный с тихой мелодией отступающего прибоя.

Когда на улице сгустились первые сумерки, она решила, что надо бы спуститься вниз. На оконной раме обнаружился заботливо наполненный спичками коробок. Помня о поручении хозяйки, Рут зажгла лампу и закрыла окно. Внезапно на первом этаже раздался крик, заставивший ее вздрогнуть.

— Мисс Торн! Мисс Торн! — пронзительно вопила Хепси. — Скорее идите сюда!

Побелев как полотно, Рут сбегала по ступенькам и в холле наткнулась на служанку.

— Бога ради, что случилось? — выдохнула она.

— Джо принес ваш чемодан, — дружелюбно пояснила молодая женщина. — Куда его отнести?

— В южную комнату, — отозвалась Рут, все еще не отошедшая от испуга. Хорошо, хоть не случилось ничего серьезного. — Больше так не кричи.

— Ужин готов, — беспечно сообщила Хепси.

Рут следом за ней направилась в небольшую столовую и во время еды засыпала горничную вопросами.

— Мисс Хэтэуэй каждый вечер зажигает на чердаке лампу?

— Да, мэм. Сама ее моет и наполняет маслом, а по утрам гасит своими руками. Мне же не позволяет к ней даже прикасаться.

— Почему мисс Хэтэуэй держит ее там?

— Не знаю. И сама она не знает.

— О чем ты, Хепси? Ради чего тогда тетя возится с лампой, если сама не знает зачем?

— Наверное, ей так хочется.

— С ее отъезда прошла уже неделя?

— Нет, мэм, шесть дней. Завтра будет неделя.

По большей части Хепси отвечала коротко и отрывисто, но в ее словах сквозила некая несдержанность.

— А когда тетя уехала, лампу зажигали?

— Да, мэм. Пока вы не приедете, она поручила лампу мне. И велела напоминать каждый вечер, чтобы вы о ней не забывали.

Рут улыбнулась. Вот она, старомодная тщательность тети Джейн во всей красе.

— Послушай, Хепси, — мягко начала она. — Точно мы с тобой ничего не знаем, но что ты сама об этом думаешь?

— Как вы и сказали, не знаю, но... — горничная понизила голос, — наверное, это как-то связано с мисс Эйнсли.

— Что еще за мисс Эйнсли?

— Одна странная женщина, — сообщила Хепси, разглаживая фартук. — Живет немного ниже нас, так сказать, в долине. И никуда не выходит, люди сами ее навещают. Порой я бывала у нее с поручениями от мисс Хэтэуэй. Забавный дом — ни узорчатых обоев, ни кружевных занавесок, ни лоскутных ковриков, зато по полу разбросаны всякие варварские штучки. У мисс Эйнсли полно языческих вещей. Иногда она их надевает.

— Надевает? «Языческие вещи» из дома?

— Нет, мэм, другие. Те, которые где-то прячет. Думаю, у нее есть деньги, хотя в гостиной мисс Эйнсли стоит такая же мебель, как у мисс Хэтэуэй на чердаке. Мы-то ни за что бы не стали ею пользоваться, — самодовольно добавила горничная.

— Она живет одна?

— Да, мэм. Джо выполняет ее поручения, и прочие соседи время от времени к ней заглядывают, а сама мисс Эйнсли уже бог знает сколько времени не выходит со своего двора. Поговаривают, она чокнутая. Вот только мисс Эйнсли — лучшая хозяйка в округе и, если узнает, что кто-то болен или попал в беду, всегда что-нибудь им посылает. Здесь она никогда не бывала, но мисс Хэтэуэй иногда ее наве-

щает, и они обмениваются угощениями. Я спускаюсь к ней с тарелкой чего-либо, приготовленного мисс Хэтэуэй, и мисс Эйнсли непременно заявляет: «Подожди минутку, Хепси, я передам мисс Хэтэуэй баночку моего варенья». — На последней фразе горничная невольно начала подражать манере мисс Эйнсли, и за этими несколькими словами, выдающими своеобразное достоинство, перед внутренним взором Рут мелькнул образ старомодной, сдержанной, но в то же время вполне любезной леди.

— Хепси, ты готовишь самое вкусное печенье² на свете, — заметила она, складывая салфетку.

Горничная просияла улыбкой, однако ничего не ответила.

— А почему ты думаешь, что мисс Эйнсли как-то связана с лампой? — немного погодя уточнила Рут.

— Потому что, когда я только попала в этот дом, свет в окне не зажигали — по крайней мере насколько мне известно. Но спустя неделю или около того после моего появления мисс Хэтэуэй вернулась от мисс Эйнсли какой-то странной. Она почти все время молчала, а на следующее утро отправилась в город и купила лампу. И ножки у стола сама отпилила. С тех пор зажигает ее каждый вечер и гасит по утрам, прежде чем спуститься вниз.

— Возможно, они с мисс Эйнсли обсуждали кораблекрушение, и тетя решила создать собственный маленький маяк, — предположила мисс Торн, когда в комнате повисло гнетущее молчание.

² Здесь имеется в виду несладкое печенье (biscuits), подаваемое в США вместе с едой.